

ГРАНД

Януш Леон
Вишневский

Януш Леон Вишневский Гранд

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8320726
Вишневский, Януш Леон Гранд : [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084150-9*

Аннотация

«Гранд» – новый пронзительный роман Януша Вишневского, мастера тонкой, чувственной прозы. Писатель словно водит нас по номерам исторического отеля в Сопоте, в котором в разное время жили Гитлер, де Голль, Марлен Дитрих, Шакира, Путин, и посвящает в секреты его современных постояльцев. Здесь за каждой дверью скрывается одиночество, но отель «Гранд» всем даст шанс изменить свою судьбу. Кто сумеет распорядиться им верно?

Содержание

—	5
№ 223	19
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Януш Леон Вишневский

Гранд

*Внешне отель должен представлять собой нечто вроде триптиха. Левое крыло необходимо внутри обить войлоком, чтобы там можно было разместить умалишенных. Правое крыло предназначено для преступников. Вместо газона перед входом в отель нужно сразу спроектировать кладбище для самоубийц. На фронтоне отеля следует поместить слова Данте: *Lasciate ogni speranza* – «Оставь надежду всяк сюда входящий».*

Гданьская газета, апрель, 1922 год

Janusz Leon Wiśniewski

Grand

Copyright © Grand, 2014, by Janusz Leon Wiśniewski

All Rights Reserved

Photograph © Ilona Weistand, Frankfurt am Main

© Тогобецкая М., перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2014

Она сунула пальцы в мокрый песок и стиснула кулаки. Глаза не открывала. Вслушивалась. Ощутила, как холодные капли воды падают ей на голени. А на бедра не падают. «А ведь должны бы падать и на бедра, – думала она, – но нет!»

Они уже открывают сейчас эти свои серебристые зонтики, вот-вот начнут фотографировать. Боже! Черт! Мама! Она зажмурилась изо всех сил и прижалась лицом к песку, чтобы укрыться от вспышек.

– Да вы, барышня, не бойтесь, – услышала она хриплый голос, – все под контролем, я и о ботиночках ваших позаботился. И мишку плюшевого вашего нашел. Он, конечно, мокрый насквозь, бедолага, но на солнышке-то высохнет, сто процентов.

Она медленно повернула голову и чуть приоткрыла один глаз. Разваливающийся ботинок из потрескавшейся кожи, рваный в нескольких местах, шнурки развязаны. Серая от грязи повязка с темными пятнами засохшей крови, перехваченная сверху черным ремешком. Съехавшая вниз. И поэтому открывающая гноящуюся рану. Обрезанная по колено штанина – сами штаны из потертого золотистого вельвета. Небрежно свисающий кончик потрепанной веревки, заменяющей ремень. Выцветшая, когда-то, возможно, темно-синяя дырявая майка. Синтетическая неоново-желтая блестящая жилетка. Расплывшаяся, размазанная от старости татуировка на предплечье – как будто огромный синяк. Огромные глаза. Такие огромные, что кажется – собственные глазницы им малы. Улыбка как у счастливой жабы. Между губами торчат слишком большие зубы. К нижней губе приклеена сигарета. Изборозженное морщинами лицо – такое бывает у тех, кто много думает и много тревожится. Длинные, растрепанные, нечесанные волосы – седые, свернувшиеся в мокрые косички на концах. Кое-где спадающие на выпученные лягушачьи глаза.

– Я тут около вас, барышня, встал, потому что платьишко-то у вас намокнуть могло, да и воспаление легких схлопотали бы. Запросто.

Он держал над ней раскрытый зонтик. Выгоревший, в красно-оранжевую полоску. Такой, какие бывают на пляже.

– До девяти часов зонтики-то бесплатные. А в воскресенье – так и до двенадцати. А вас, барышня, кто-то, видать, обидел? Как же можно так – одну, без присмотра, у моря на песке-то оставить! Тут же вокруг негодяи всякие так и шныряют, их этот отель притягивает как магнитом – летят словно мухи на мед.

– Какой отель? – спросила она, протягивая руку в сторону его ботинка.

– А тот, что за пляжем. Отель как отель. Ну, только что новый, отремонтированный. Но когда-то был тут другой, старый. Старше меня даже, поди. Но я его и сейчас люблю. Столько тут всего было, о! Я им поливаю платаны, иногда розы подстригаю. А то ведь занемогут. Моя жена завсегда эти платаны любила. Говорила, что они красивые. Как Юлечка наша научилась ходить – так она мне сказала с ней по воскресеньям на такси ездить к этим платанам. Чтобы она, значит, свежим воздухом дышала и йодом насыщалась. Вот я их и поливаю. Потому что они красивые. Даже зимой. Даже когда они такие голые, как скелеты стоят. Но платаны, они с душой.

* * *

– Вам, барышня, прикурить? – неожиданно спросил он. – Хотя у меня только спички. Но руки-то у меня чистые... – добавил он.

Она села. Стряхнула пальцами песчинки с лица и шеи. Отряхнула платье и сумку, на которой лежала. Потянулась к наполовину пустой бутылке вина, стоящей на песке, приложила к горлышку. Потом вытерла тыльной стороной ладони рот и подняла руку с бутылкой вверх. На коленях подползла к ногам незнакомца. Старательно завязала шнурки, болтающиеся на обоих ботинках. Вытащила из сумки несколько влажных салфеток для снятия макияжа и одну из них побрызгала своими духами.

– Я промою вам рану, можно? – спросила она.

Очень аккуратно и деликатно протерла кожу, покрытую желтым гноем, на его ноге. Медленно развязала черный ремешок, осторожно приподняла повязку, подтянула ее и снова перевязала ремешком.

– Вы сдержанный и скромный человек, правда? – спросила она, поднимая голову.

Она заметила, что он прикрыл веками свои выпученные глаза, а кончиками пальцев она чувствовала, как он весь дрожит.

– Слишком туго? Вам больно? Или, может быть, духи щиплют? – спросила она.

Он не отвечал. Поднес бутылку ко рту, с жадностью сделал несколько глотков. Она прижалась щекой к его ноге.

– А как вы думаете... тот, кто сдержанный и скромный – он лучше других? Ну или хотя бы добрый? Как вы думаете?

Она вытащила из сумки сигареты, прикурила сразу две, подняла руку с одной сигаретой вверх.

– Я, знаете ли, – говорила она, затягиваясь сигаретой, – кое-кого теряю. Того, кто считает, что он лучше других только потому, что живет в скромности и сдержанности. Потому что ничего миру о себе не рассказывает. И вот этим он меня вначале и покорила. А потом оказалось, что он не говорит ничего потому, что говорить-то и нечего. Потому что он ничего не достиг. По его мнению. Но меня-то это несколько не смущает. И вдобавок он ошибается, понимаете, он же ошибается! Потому что мне совершенно неинтересны эти его «достижения», которые можно предъявить этому долбаному чертову миру. Потому что он и есть мой мир – и все эти остальные, они не в счет. И в моем мире его достижения самые что ни на есть значительные, значительнее не бывает! Только вот он этого не понимает... Можно при вас иногда чертыхаться? Потому что при нем вот – нельзя, а иногда ведь без этого никак, правда? Он думает, что я сквернословлю потому, что хочу быть похожей на тех, кто сквернословит. Он почему-то считает, что эти, с известными фамилиями, ругаются без конца, а я хочу походить на них. Быть такой, как они... – А вы? Как вас зовут – спросила она, поднимая голову.

– Я? Меня зовут Мариан Стефан Убогий. Но все называют меня просто Убожка. Даже милиционеры – то есть полицейские, конечно, – ответил он, возвращая бутылку.

– О черт! Так я могу тогда при вас ругаться как сапожник – раз у вас не фамилия, а кличка! – рассмеялась она в голос.

– А это вино кислое какое-то. Это, наверно, мода сейчас такая – пить кислое вино. Вот как найдешь у отеля бутылочку – так либо пустая, либо кислятина. А ведь водка на пляже – она как лекарство. А ругаться... ругаться – оно несимпатично. Но если вам, барышня, уж так надо – так вы уж не стесняйтесь. Ну а фамилия – просто фамилия. Я ее получил от отца и деда, – добавил он тихонько.

– Ну вот. Пожалуйста, простите меня. Это я так – от злости на него. Моя бабушка по второму мужу носила фамилию Убожка. Так что это я так – от злости только. Простите меня, пожалуйста, – она стиснула его руку. – И знаете, не нужно больше держать этот зонтик. Уже и дождь ведь кончился. С вашей стороны это так любезно!

– Но ветер-то сегодня с востока такой, что аж с ног сбивает. Так что подержу еще пока, утром всегда самый сильный бриз, – ответил он.

– А который час? – спросила она.

– Думаю, что пять точно есть. Вон уже свет в кухне зажгли, а они свет включают как раз около пяти, чтобы к завтраку все было готово.

Она вынула из сумки телефон. Несколько сообщений. И ни одного от него. И звонить он не звонил.

Все сообщения из редакции. А ведь даже ее мать знает, что после полуночи не надо ей писать. Потому что она либо спит, либо пишет, либо занимается любовью. Но этих, в редакции, это совершенно не волнует. Ей поэтому приходится каждые полгода менять номер телефона, в соответствии с корпоративной этикой уведомляя об этом директора. И всякий раз она себя чувствует потом словно пес, спущенный с цепи, но с вшитым за ухом чипом.

– Вы правы. Уже четверть шестого. А может быть, вы даже знаете, какой сегодня день?

– Сегодня уже пятница...

Она встала. Медленно пошла к волнам, бесшумно разливающимся по берегу. Приподняла юбку, заправила ее в трусы и осторожно двинулась дальше. Когда вода коснулась бедер, чуть наклонилась и зачерпнула ее ладонью – полную пригоршню. Умыла лицо. Один раз. Потом второй. Потом еще. И еще. Наклонялась, зачерпывала ладонями утекающую сквозь пальцы воду и терла руками лицо. Снова и снова. Будто под гипнозом. Вдруг перестала, повернулась лицом к пляжу и откинула голову назад. Набегающая волна намочила ей волосы. Расчесывая их пальцами, она побрела на берег.

– О как. Я, значит, вас, барышня, от дождя защищаю – а она в холодную Балтику полезла. Да еще в одежде! – с укором сказал мужчина, когда она подошла к нему.

Она прикурила сигарету. Подняла сумку и обувь.

– Мне нужно было смыть с себя остатки прошлой ночи. А Балтика, кстати, не такая уж холодная, – улыбнулась она и наклонилась, стряхивая воду с волос, – ей хотелось, чтобы капли попали на его голые голени. Ох как хорошо! У нас тут еще немного кислятины осталось, – сказала она, протягивая руку к бутылке, которая торчала в песке между его стопами. – Допьем, пока совсем не рассвело.

Она отпила небольшой глоток, оставляя ему. Он положил зонтик на песок, поправил свою желтую безрукавку и взял бутылку из ее вытянутой руки.

– Вас, случайно, не Юлия зовут? – тихо спросил он.

– Нет. Но очень похоже. Вы со мной позавтракаете?

– Как это – позавтракаете? – спросил он смущенно.

– Ну, завтрак... яичница, сосиски, творог, булка с маслом, помидоры, апельсиновый сок и кофе. Позавтракаете? Завтракать в одиночестве нельзя.

Он смотрел на нее некоторое время, постукивая пальцами по губам. Потом опустил голову и тихо произнес:

– Я не могу пригласить вас, барышня, на завтрак. У меня нет на это денег. Прошу прощения...

Она сжала ладони, сдерживая слезы. Кажется, она его расстроила.

– А почему это обязательно мужчина должен приглашать женщину на завтрак? Вот почему? Потому что так принято?! Почему я не могу пригласить вас на завтрак? Давайте-ка вы не будете строить из себя старосветского пана Убогого, потому что на самом деле...

– Убожка, – перебил он ее.

– Вот да. Убожка, я знаю, – закончила она, кусая губу. – Где тут вход в этот отель? Вы меня проводите?

– С другой стороны. Тут довольно прилично идти. Нужно обойти пляж и выйти на улицу к подъезду. Или по лестнице за фонтанами, потому что в такую рань калитка на пляж может быть закрыта, а привратника не добудишься. Я уж его знаю.

– Это ведь «Гранд-отель», да? И мы сейчас находимся в Сопоте, да? – перебила она его.

– Так оно и есть, в самую точку, барышня. Это «Гранд», – ответил он.

Она выудила из сумки кожаную косметичку, открыла пудреницу.

– Вы можете сделать для меня кое-что еще, прежде чем мы туда пойдем? Не подержите мне зеркальце? – спросила она с улыбкой.

Он немедленно выплюнул сигарету и бросил зонтик на песок. Вытер влажные ладони о штаны, приблизился к ней и неуверенным, осторожным движением взял пальцами пудреницу. Она придвинулась к зеркальцу и, выдавив немного тоника на ватный диск, начала протирать лицо.

– Что ж вы мне не сказали, что я выгляжу как старая пьянчужка, которую выбросили на помойку после закрытия пивной? – улыбнулась она ему. – Если бы меня здесь в таком виде застали папарацци и сделали бы парочку фотографий – я потеряла бы остатки своей репутации. И уже навсегда. Никто бы не поверил мне, что я просто заснула на пляже потому, что заливала грусть вином. Вы вот, пан, вы часто грустите? – спросила она, подкрашивая губы.

– Грустите? А что вы, барышня, имеете в виду под «грустью»? – он задумался.

– Ну... это знаете... когда у тебя ком в горле и сердце сжимается, и болит за грудиной или в животе... и душа все время плачет, и самому все время плакать хочется или выпить, чтобы не плакать.

– Что до выпивки – так тут дело-то другое совсем. Я пить с горя переставал только на четыре месяца. Когда в реабилитационном центре был. Но потом вернулся снова на улицу – и снова запил. Но в последнее время вынужден себя контролировать, потому как нутро болит. Печень шалит. Знаете, барышня, когда за грудиной болит – это все-таки менее важно, чем когда печень болит. Потому что печень важнее грудины. Она даже, может, важнее, чем сердце. Потому что на сердце можно клапан какой поставить, а на печень клапан не поставишь. И приходится терпеть. А грустно... Грустно мне в сочельник бывает и на похоронах. Особенно если деток. Я хорошо держу зеркальце? Потому что вы, барышня, что-то пудриться-то вдруг перестали, – забеспокоился он.

– Хорошо. Просто отлично. Еще ни один мужчина не держал мне так зеркальце, – ответила она. – Потому что вообще-то никто никогда не держал его для меня. Может быть, потому, что я еще никогда ни одного мужчину об этом не просила, – добавила она после паузы. – А перестала я пудриться, потому что задумалась. Вы, пан, правда, думаете, что печень важнее?

– Да совершенно точно! Сердце перестает болеть, когда увлечешься кем-нибудь другим или книжки начнешь читать. А вот печень... прошу прощения за бедность речи – с печенью постоянно херня. Печень слезам не верит и книжками ее не проведешь... Они уже вывеску погасили, значит – в кухне яйца готовы для завтрака, – воскликнул он. – Можно идти.

Ветер заметно ослабел, дождь тоже перестал. Они прошли по мокрому пляжу к деревянному, сложенному из серых досок помосту, который вел к калитке забора, окружающего отель. В нескольких окошках уже виден был свет, а на первом этаже и на террасе светились все прямоугольные окна. Войдя в калитку, они свернули влево и по асфальтовой тропинке обошли здание. К главному входу со стороны улицы, через зеленый сквер, усеянный тут и там цветами, вела вымощенная брусчаткой широкая аллея, которая перед фонтаном в виде эллипса из черного мрамора раздваивалась и превращалась в две узенькие дорожки, огибающие его с обеих сторон и идущие к каменной лестнице. Тротуар у стены граничил с небольшой стоянкой для автомобилей, подъезжающих к отелю. Аккуратно выложенная кирпичом, эта парковка вплотную подходила к стеклянным вращающимся дверям отеля, перед которыми стоял рослый мужчина в синей униформе с золотыми лампасами на штанах и нашивками на пиджаке.

Когда пара подошла к входу, он распахнул двери приветственным жестом, склонил голову в почтительном поклоне и придерживал дверь, пока женщина не переступила порог. А потом поспешно преградил путь ее спутнику.

– А ты, Убожка, чего тут? На завтрак к нам с шампанским пожаловал или что? Ты, может, заблудился, дорогу перепутал, а? Ты себя, может, джентльменом с зонтиком вообразил? Только, знаешь ли, дождя-то нынче и нет, по крайней мере здесь. Так что дуй отсюда, пока я добрый! – выкрикнул он.

Она услышала последнее предложение, запертая в клетке вращающейся двери, и ее окатила горячая волна ярости. Она остановилась и резко обернулась. Одна из стеклянных створок двери с силой ударила ее и отбросила назад, так что она с трудом удержала равновесие. Заблокированная ее телом, дверь со скрипом остановилась. И сразу же после этого раздался отвратительный скрежещущий звук, стеклянная стена перед ней на мгновение исчезла. Она упала и, стоя на коленях на паркетном полу, в плену стеклянных заклинивших дверей, подняла голову и начала истерически кричать.

Консьерж в красной униформе, стоящий у ресепшен, сорвался с места и подбежал к ней, на ходу поправляя свой черный цилиндр.

– Пани, вы, пожалуйста, встаньте поскорее, повернитесь ко мне спиной и ладонями нажмите со всей силы на стекло, которое перед вами! – услышала она испуганный голос консьержа. – А я вас подтолкну! – крикнул он.

Она медленно поднялась с колен, потянулась за сумкой и повернула лицо к стеклу, за которым стоял испуганный консьерж. Прикурила сигарету, поправила волосы. Только в этот момент двери наконец начали двигаться. На пороге она чуть не столкнулась с откровенно забавляющимся швейцаром, который наблюдал за всем этим действием с ироничной усмешкой.

– Ваш коллега прекрасно умеет подталкивать. Это я должна признать. И целиком и полностью разделяю вашу радость и удивление по поводу этого его мастерства, – прошипела она, со злостью выпустив дым прямо в лицо швейцару. – Но я вообще-то здесь совсем по другому делу. Пан Убогий пригласил меня на завтрак в ваш прекрасный многозвездочный отель, пан офицер.

Она стояла перед ним на цыпочках, лицом к лицу, с сигаретой в зубах.

– И я обязательно поинтересуюсь – прямо сейчас! – почему я не могу с ним позавтракать? Поинтересуюсь у какого-нибудь старшего менеджера или, возможно, даже у самого директора, – она старалась говорить спокойным тоном и деликатно поглаживала пальчиками золотые нашивки на пиджаке швейцара. – Вы ведь пригласите пана Убогого войти сюда, правда? – спросила она кокетливо, поправляя ему узел черного галстука.

– Его зовут Убожка, – тихо возразил швейцар, – это же попрошайка и алкоголик!

– Нет, его зовут не Убожка, – повторила она за ним тихонько. – На самом деле совсем нет. Я знаю, черт побери! И не нужно мне напоминать! Его зовут Мариан Стефан Убогий. Запомни это, офицер! – крикнула она с бешенством.

Швейцар, словно рядовой, которого отчитал капрал, отшатнулся от нее и вытянулся в струнку.

– А теперь к делу. Мы с паном Убогим, которого вы знаете как Убожка, договорились позавтракать, – сказала она. – И если вы, пан, будете мешать нам войти в это здание, то я сейчас же звоню в полицию. Алкоголики и попрошайки, равно как и я, тоже имеют право завтракать. И я в случае чего пригоню сюда в это раннее утро целый комиссариат полицейских города Сопота, пан офицер, чтобы это наше право нам обеспечили. И вы прекрасно знаете, что я в состоянии это сделать. Уж можете не сомневаться и поверить мне на слово, – она достала из сумки свой телефон.

Швейцар еще пару секунд поколебался, потом кивнул, заглянул через дверь внутрь отеля и, увидев удаляющегося консьержа, поспешно вышел на улицу, поднес к губам металлический свисток и засвистел. И сразу вслед за тем громко крикнул:

– Убожка, иди сюда, ну!

Сначала к дверям отеля с визгом покрывшейся подъехало такси. Потом над балюстрадой лестницы, ведущей на стоянку, появился кончик желтого пляжного зонтика, а уже потом показалось и испуганное лицо бродяги с пляжа. Неуверенным шагом он подошел к швейцару и остановился перед ним, опустив голову.

– Ты что же это оставляешь пани одну, а? Без мужской защиты, а? Она же чуть не погибла трагически между этими дверями, а ты в это время на прогулочку отправился по городу, а? Приглашаешь даму на завтрак, а сам топ-топ – и в винный магазин, а?!

– Да я не приглашал барышню на завтрак, я только...

– Да я знаю, Убожка, я уж знаю, как дважды два. Это каждый в этой деревне знает, – перебил швейцар. – Ставь давай тут у стены свой зонтик и проводи даму к столу.

Убожка не двигался с места, переминаясь с ноги на ногу, очевидно, совершенно не понимая, что вообще тут происходит. Потеряв терпение, швейцар вырвал у него из рук зонтик, прислонил его к стене здания и направился к бородатому таксисту, с интересом наблюдающему за происходящим.

– А ты, Феликсяк, чего такой довольный с самого утра? Только не говори мне, что за ночь бензин подешевел! И быстро освобождай дорогу. Давай, давай, бегом. Уж давно должен был бы выучить, что, если клиент – я свищу дважды. Дождь дождем, а помыть бы твою развалюху не мешало, потому что стыд и срам на нее смотреть, тьфу, – сказал он.

Автомобиль, визжа покрывками, уехал.

Убожка неподвижно стоял на том же самом месте, не сводя ошалелого взгляда со швейцара, который, не обращая на него ни малейшего внимания, спокойно прохаживался вдоль балюстрады с другой стороны площадки.

Женщина подбежала к Убожке.

– Можно, я вас под руку возьму? – спросила она, сгибая его руку в локте. – И пойдете уже – я очень, очень голодная, – шепнула она ему на ухо и потянула за руку.

Они под руку вошли в ярко освещенный холл. Серый мрамор пола влажно поблескивал. Служащая отеля, которая ставила цветы в вазу, стоящую около светильника из матового стекла, подняла голову, передвинула очки на волосы, стянутые пучком на затылке, и смотрела на пару широко открытыми от изумления глазами. Рыжеволосая работница ресепшен пыталась скрыть улыбку. Консьерж спрятался за высоким прилавком с прессой и открытками, его странный цилиндр торчал поверх прилавка.

По мере того как они приближались к ресепшен, она чувствовала, как рука Убожки начинает все сильнее дрожать. В какой-то момент он даже выдернул свой локоть из ее ладони и остановился.

– Я знаю, что сегодня пятница. И знаю, что мы не бронировали номер. Но не посмотрите ли вы, пани, не найдется ли у вас свободной комнаты? – спросила она, вытаскивая из сумки свой паспорт. – Разумеется, с ванной. Если, конечно, у вас такие есть, – добавила она с иронией в голосе, глядя неотрывно в глаза администраторше.

– Для «нас»?! Что вы имеете в виду, пани? – с тревогой спросила та. На Убожку она подчеркнута не смотрела, делая вид, что ищет что-то в компьютере.

– Я имею в виду номер на двоих, с двумя отдельными кроватями и желателью с ванной. А «нас», – она повернула голову для наглядности, – означает в данном случае пана Убожку и меня. С пятницы и до воскресенья. С завтраком.

– А есть у пана Убожки какой-нибудь официальный документ, удостоверение личности с адресом? – ехидно поинтересовалась администраторша. – Он должен его предъявить. Такие уж у нас порядки.

Гостья порылась в сумке, вытащила помятую пачку сигарет. Подошла к Убожке и спросила:

– Марианко, ты можешь к нам на секундочку присоединиться? Тут пани хотела бы кое-что уточнить.

Убожка с беспокойством огляделся по сторонам, потом сунул сигарету в рот и медленно направился к стойке ресепшен.

– В нашем отеле не курят, прошу прощения! No smoking! – завопила администраторша.

– Нас с Марианом очень радует, что вы владеете английским. Но у меня есть ощущение, что никто из нас пока не закурил. Ты как думаешь, Мариан? – она повернулась к Убожке. – А теперь дашь пани какое-нибудь удостоверение? Лучше всего если с адресом.

Администраторша нервно постукивала пальцами по стойке.

Убожка, заметно нервничая, шарил по карманам своих штанов – по всем по очереди. Через пару минут он положил на стойку какой-то мятый, обгоревший листок серой бумаги. Администраторша осторожно, двумя пальцами, с явной брезгливостью взяла листок и начала его разворачивать.

– Так это же свидетельство о смерти! – произнесла она после паузы. – Причем какой-то женщины...

– Да. Но там есть мой адрес. Другого адреса у меня нет. То есть теперь... у меня никакого вообще адреса нету, – ответил он, смутившись. – Да ведь вы меня знаете... – добавил он.

– Давайте поговорим об обстоятельствах вашего давнего знакомства с паном Убожкой попозже, а сейчас посмотрите, пожалуйста, в компьютере, какие комнаты свободны. Очень вас прошу, – сказала она, поворачиваясь к администратору.

Девушка села к компьютеру.

– У нас свободен сейчас только номер 223 на втором этаже. Двухместный. С ванной. Как вы и хотели, – сказала она через минуту.

– Гениально! Спасибо!

Убожка что-то пробурчал себе под нос.

– Марианко, ты что-то имеешь против второго этажа? – с улыбкой спросила его спутница.

– Не надо вам, барышня, в этот номер селиться, – прошептал он ей на ухо. – Только кучу денег потратите. К тому же там Гитлер жил...

– Мы берем этот номер. Именно этот. Вот, пожалуйста, мой паспорт и кредитка, – сказала она администраторше. – Вы закончите с формальностями, а мы с паном Убожкой тем временем пойдем завтракать, можно так сделать? – И, не ожидая ответа, она схватила Убожку за руку и потянула за собой к выходу.

Они остановились перед зданием, она дала ему прикурить, глубоко затянулась своей сигаретой.

– Мариан... я ведь могу тебя так называть, правда? Что ты такое болтаешь? Какой такой Гитлер? – спросила она возбужденно.

– Как какой? Адольф... – ответил Убожка.

– Гитлер жил в этом отеле? И именно в комнате 223?! – с недоверием в голосе уточнила она. – Когда, как, почему? И откуда ты это знаешь, Мариан?

Убожка почесал голову и начал кашлять. Потом замолк и только нервно грыз фильтр сигареты.

– Это дело личное и семейное, барышня. Такие дела хуже всего. Но это уже давно было, так что стыда и смущения-то для семьи уже поменьше, – ответил он тихо. – Мой дед ведь был примкнувшим к немцам. Таким фольксдойче. Как многие тогда здесь, в Вольном городе Гданьске. Тогда, перед тридцать девятым, да и в самом тридцать девятом, никого это не удивляло, хотя в Сопоте, где поляков проживало больше всего, его сильно презирали. Потому как дед мой мало что был немцем ненастоящим, так еще и полицаем – немецким к тому же. А в Вольном городе Гданьске были и польские полицаи.

Гитлер приехал в Сопот девятнадцатого сентября утром. Специальным поездом. В обстановке огромной, необыкновенной секретности. Дедушка Стефан как раз за три дня до этого получил новое ружье, больше прежнего, новый пистолет, получше, и новый, чистый, сшитый по мерке синий мундир, а еще фуражку и кожаные сапоги с подковками. Вот он должен был ходить по мостовой около «Гранда». И кричать что-то для всеобщего устрашения, но только по-немецки. Но дедушка Стефан по-швабски не слишком умел, поэтому его попросили, чтобы он только маршировал себе и молчал. Потому что молчать ведь можно без акцента. И он получил за это очень большую премию в марках, из которой выплатил все карточные долги своего непутевого сына Романа. Моего, святой памяти, батюшки.

Больше недели дед просидел взаперти вместе с другими в доме напротив. Вон там, за парком, по другой стороне улицы и чуть-чуть направо, – он ткнул указательным пальцем в двухэтажный домик, почти совсем закрытый деревьями. – До войны он не был оштукатурен, обычный такой кирпичный городской домик. Еще задолго до того как Адольф прибыл в «Гранд», гестаповцы выселили оттуда всех жителей, чтобы свидетелей не было и чтобы для фольксдойче место освободить. Там проживали вместе аж сорок человек. Дед Стефан рассказывал, что им нельзя было пить водку и разговаривать с кем-либо. Все были чистые, как слеза или немецкий хрусталь. Гестапо проверило каждого на предмет психических заболеваний в первую очередь, а потом – на предмет лояльности. В это время около отеля крутилось порядка двухсот эсэсовцев. О том, что Стефан находится совсем рядышком, в Сопоте, а не где-нибудь у черта на рогах, на окраинах уже оккупированной Польши, не знала даже моя бабушка Матильда, жена Стефана. А мой дед стучал своими подковками на сапогах очень близко от того, кто на нашу Польшу меньше чем три недели до того напал и бомбы сбрасывал.

И вот однажды, когда Стефан так стальными своими бляшками по вымытой на коленях и руками, камешек за камешком, мостовой стучал, перед дверями «Казино-отель-Сопот» появился один гестаповец. Позвал его и, крича, будто на плацу, приказал сопроводить Fräulein Daranowski в заведение, где духа нет евреев и где торгуют гребешками, заколками и лентами для волос. В самый лучший магазин, и чтобы zwar sofort, то есть немедленно, и чтобы малейшее желание фройляйн исполнять. Стефан-то в магазинах не шибко разбирался, особенно в тех, где торговали расческами, а уж тем более лентами! Но он подумал и решил, что на той улице, которую мы сегодня знаем как Мончак, все это точно должно быть. Теперь я уж не помню, как дед Стефан называл наш Мончак, скорее всего как-то иначе, не так, как сейчас, потому что то ведь еще до войны было и точно до красных маков на Монте-Кассино. А вообще для деда Стефана, принципиального «немца», до конца жизни все улицы назывались «штрассе». Даже Вестерплатте для него была Вестерплатте штрассе. Впрочем, все это уже не имеет никакого значения, ибо было давным-давно.

Вы, барышня, меня еще одной сигареткой угостите? Потому как у меня горло от болтовни-то пересохло, – попросил он вдруг.

Она вытащила из пачки последнюю сигарету, прикурила, глубоко затянулась и вставила ему в рот.

– И что было дальше? Ну, рассказывай же...

– Ну а что могло быть? Дед Стефан послушно отправился в сторону Мончака, а фройляйн Дарановски – за ним. Потом, по крайней мере так он утверждал, она его под ручку этак крепко взяла – и шли они себе, как муж и жена за покупками в субботу. Но не дошли, потому что на углу нынешней Морской и всегдашней Хаффнера выскочил перед ними другой гестаповец и дамочку у него из рук вырвал. Из того что дед Стефан до самой смерти повторял, получалось, что эта Дарановски немедленно нужна была какому-то «Вольфу», по-нашему «волку». Разумеется, Стефан тогда не понимал, какие такие волки и о чем вообще речь идет, но фройляйн Дарановски оставила его одного посреди улицы и побежала с гестаповцем, вцепившись в него как волчица. На следующий день, когда Стефан снова маршировал себе на площади у «Гранда», он увидел, как из дверей отеля выходит несколько гестаповцев, потом Гитлер, «Дер Вольф», а с ними Дарановски – только с убранными в пучок волосами. И в этот момент он догадался, кого накануне под ручку по улице-то вел. И когда он это увидел и понял – то страшно перепугался. Потому что он ведь был всего лишь маленький, незначительный гданьский полицейчик, и на его долю выпала такая ответственность – идти плечом к плечу, совсем близко, с такой важной персоной под ручку. Вечером он снова стучал себе у «Гранда» сапогами вместо коллеги вроде как по доброй воле, а главным образом, чтобы иметь возможность встретиться с горничной Стасей, дочкой соседней с первого этажа того дома, где он жил. Стасю эту дед Стефан вообще-то сильно не любил, потому что она была на выданье и мертвой хваткой вцеплялась в любого, кто носил мундир, даже в его собственного сына Романа, а ведь тот был всего-навсего почтальоном. И все-таки он, подстегиваемый любопытством, свою неприязнь преодолел и со Стасей заговорил.

Прежде всего он ее предупредил, что если она хотя бы пикнет о том, что его здесь видела, хоть кому-нибудь дома проговорится, то перед смертью, которая не замедлит явиться, она будет страдать и сильно мучиться. Потом он подробно описал ей Дарановски и спросил, является этот Гитлер, живущий в «Гранде», настоящим Гитлером или искусно замаскированным двойником. Стася по поводу Гитлера ничего толкового сказать не могла, потому что на втором этаже она ведь не убирается, а эсэсовцы оттуда всех гоняют. А вот эту Драбиновскую, или как ее там, она хорошо знала, потому что та жила в номере 319, а это третий этаж, а третий этаж – это ведь Стасина территория. Стася добавила еще, что эта дамочка – крикливая сука и неряха, потому что вся мочалка в ванной в ее волосах и подмести в комнате даже нельзя – весь пол усыпан исписанными листочками и обрывками бумаги. Раз Стася было попыталась их разобрать да в надлежащем немецком орднунге разложить, так такую взбучку ей Драбиновская эта устроила, что, наверно, весь этаж слышал. И все только потому, что Стася листочки с пола собирала и печатной машинки только локоточком дотронулась. А всего в комнате Драбиновской этой аж три печатные машинки стоят.

Тут Стефан Стасю за руку схватил и пообещал, что, если она все вызнает о Гитлере и Дарановски и вообще обо всем, что тут в отеле происходит, так он ей новые чулочки купит. А если она ему какой-нибудь листочек из комнаты Дарановски выкрадет – то даже и самую наимоднейшую комбинацию. А если две бумажки – то еще и коробку конфет в придачу.

Следующим вечером Стефан снова вызвался добровольцем на вечернее стуканье по мостовой у «Гранда». Он притворялся, что провожает Стасю, а она ему рассказала, что это самый что ни на есть взаправдашний Адольф, что сразу в трех номерах – 251, 252 и 253-м – он живет, а в 261-м теперь его собственная столовая, чтобы ему в ресторан не ходить, потому что он боится, что его отравят.

– Убожка, ну что ты мелешь? Ведь нам не дали ни 251, ни 252, ни даже 253-й номер – нам дали 223-й. О чем ты вообще тогда болтаешь? – перебила его она.

– Прошу прощения, барышня, но в этом конкретном случае я как раз хорошо знаю, что говорю, хотя дело касается математики, а я в математике со школы ни в дугу. Впрочем, тут речь не столько даже о математике, сколько об истории идет, барышня. Сейчас номера-то

поменялись, а до войны этот наш 223-й как раз и был 253-й. И я это точно знаю, – ответил он спокойно.

– На чем я там остановился? Ага, на том, как Стефан провожал подкупленную Стасю... Я уж знаю, – он нервно почесал голову. – А эта Драбиновская – это на самом деле Герда Дарановски, секретарь Гитлера. Это доподлинно известно от Ирены из бухгалтерии, с которой она сидела за одной партой в школе в Гдыне. Эта Ирена счета выставляла, и там, в этих счетах, все было написано – кто, где и за сколько. Ведь для швабов бухгалтерия – святое дело. А раз уж речь пошла о конфетах, то она ему для верности сегодня аж три целых бумажки выкрала. Чуток помятые, но писанные на немецком и с печатями, а значит – сто процентов, что важные. И еще, что по поводу секретности он может не волноваться, потому что дома все, включая его уважаемую жену, пани Матильду, считают, что пан офицер Стефан в какой-то военной делегации. А что касается комбинации, так она предпочитает беленькие или уж кремевые с кружевами по низу и чтобы была выше колен.

Стефан спрятал тогда три помятые бумажки в карман и, ничего по поводу комбинации не ответив, вернулся на свой пост у «Гранда». Потом, ночью, когда все уже заснули, он при свете фонарика эти бумажки достал, расправил и начал читать. Читал дед Стефан по-немецки чуть лучше, чем говорил, но все равно заняло у него это занятие не меньше часа. И из этих измятых Стасиных бумажек он не узнал ничего нового. В одной записке, адресованной какому-то доктору в Берлине, Гитлер писал, что душевнобольных нужно начинать потихоньку ликвидировать, но как-то поделикатнее. А в другой – что жидов надо убивать и сжигать, чтобы их как можно скорее совсем истребить. Это дед уже и так знал давно, поэтому очень сильно волновался за нашу тетушку из Белостока: у нее муж был еврей, который присылал им по собственной инициативе картошку и уголь на зиму. Стефан думал, что если того, не дай Бог, сожгут, то им, пожалуй, зимой-то тяжеленько придется без его посылок. Но вообще он во все это не очень-то верил. Потому что евреев ведь никто не любил: ни в Германии, ни в Вольном городе Гданьске, ни в Сопоте, ни во всей Польше, не говоря уже о том доме, где он жил. Но чтобы вот так взять и сжечь? Однако бумажки от Стаси для верности он спрятал в задний карман с застешкой. Чтобы не выпали случайно. Главным образом из-за собственноручной подписи Гитлера, сделанной вечным пером, и из-за размазанных этих гербовых личных печатей Адольфа. А через два дня он в газете прочитал тот самый текст из второго письма. Там уже официально было сказано, чтобы евреев убивать. О психах, однако же, в газетах не писали. Потом-то всплыло, что и вправду Адольф первый приказ отправлять евреев в крематории написал в «Гранде» в номерах 251, 252 или 253, а Дарановски перепечатала это на одной из своих трех машинок в своем 319-м номере на третьем этаже. А дед Стефан знал об этом за два дня благодаря ушедшей Стасе, которая хотела чулки и комбинацию. Он еще удивлялся сильно, что на той бумажке дата стояла «1 сентября», хотя уже добрых три недели с первого-то сентября прошло. Но наверно, это какой-то политический смысл имело – дата эта.

Понять, что именно это и было официальным началом Освенцима, дед так и не понял, поэтому во всем этом для него не было ничего из ряда вон выходящего. Ему понравилась Дарановски – и только это и было для него важно. Поэтому когда ночью он во время дежурства обходил «Гранд», то всегда поглядывал на второй этаж. В 319-м номере свет иногда гас. А вот у Адольфа во всех трех номерах на втором этаже, чуть слева, если смотреть со стороны пляжа, свет не гас никогда.

Дед Стефан до конца жизни остался очарован этой краткой прогулкой на угол Морской и Хаффнера с барышней Дарановски. Возможно, так на него подействовала магия громких имен, потому что Дарановски красавицей-то отнюдь не была, а разговором и умом очаровать Стефана в те несколько минут прогулки уж точно не могла бы – главным образом принимая во внимание языковой барьер. Бабушка Матильда из-за этой его очарованности даже

плакала. Не раз – на днях рождения и на годовщинах свадьбы тоже. И даже не крестинах внуков. Прямо сидело это в ней как заноза. Такую страшную печаль она испытывала. Но так всегда бывает с магией – магия всегда печальна. Иначе она не была бы магией. Да вы, барышня, и сами знаете, как оно...

– А вина-то уж у нас не осталось, да? Оно там, на пляже, в песке, да? – спросил он вдруг хриплым голосом.

– Да там уже не было ничего. Мы закажем бутылку вина за завтраком. Пошли. Дораскажешь за едой...

Они вернулись в отель. Консьерж в цилиндре склонился перед ними, пытаясь сдержать улыбку. Администраторша нагнула голову, притворяясь, будто сосредоточенно смотрит в монитор компьютера. Они медленно прошли через весь холл, потом миновали несколько ступенек, ведущих в широкий коридор, застеленный красным мягким ковром. В конце коридора находились открытые настежь двери ресторана.

Убожка шел по красному ковру так осторожно, как будто боялся его запачкать, и все время оборачивался, словно опасался, что кто-то за ними гонится. В просторном зале с множеством столиков уже кое-где сидели люди.

Справа молодая девушка в белом летнем платье и с белой заколкой в волосах играла какую-то приятную мелодию на фортепиано, стоящем в центре овального эркера с высокими оконными проемами. Когда они вошли в зал, она подняла голову, посмотрела на них, тут же перестала играть и побежала к ним.

– Пан Мариан! – бросилась она на шею Убожке. – Как же я рада! Все говорили, что вы... – она на секунду запнулась, – ну что вы... Неважно. Я Зузанка, одноклассница вашей дочки. Зузанна Варкоч. Вы меня научили на велосипеде кататься! Помните? Это я, Зузка, я с вашей Юлькой за одной партой сидела...

Убожка стоял с таким видом, как будто хотел провалиться сквозь землю. Он вытянул руки вдоль тела, стиснув кулаки, закрыл глаза и нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Девушка наконец оторвалась от него и с улыбкой произнесла:

– Я учусь на отделении фортепиано в Академии Гданьска. А тут просто подрабатываю – халтурю. Сейчас что-нибудь для вас сыграю. И для вас, конечно, тоже, – поклонилась она в сторону спутницы Убожки.

– Конечно, я пани Зузанну помню, – тихо ответил Убожка. – Ведь это ты научила Юльчу курить, – добавил он, смеясь. – Помнишь, как я вас на крыше застукал?

– Да ну что вы, пан Мариан, это неправда! Джули начала курить гораздо раньше меня. Это ваша жена такое придумала, потому что для нее Юлька ведь всегда была святая, – захихикала девушка. – Но мне надо возвращаться к инструменту. Боже, как я рада, что вас встретила!

Убожка проводил ее взглядом, а потом огляделся по сторонам и спросил:

– Мы можем сесть за столик у окна? Оттуда лучше всего видно платаны и пляж.

– Разумеется, где хочешь, там и сядем. Эта пианистка такая милая. И очень симпатичная.

– Зузка? Это да. Это она в мать такая красавица. Ее мать – украинка, из Киева. А от отца она унаследовала способности к музыке.

Убожка не ошибся – из окна действительно открывался великолепный вид на пляж и на море. Тучи совсем рассеялись, выглянуло солнце. Появились первые гуляющие. Чуть изда- лека доносились звуки приятной, слегка грустной мелодии. К столику подошел официант, он принес чашки, поставил на стол тарелки, положил приборы.

– Что будете пить? – осведомился он.

– А вы могли бы принести нам какое-нибудь хорошее вино? В бутылке, не в бокалах?

Он посмотрел на них с удивлением, пряча усмешку.